

ОТВЕРЖЕННЫЕ

Как жить в любви,
когда кажется, что вы недостойны,
обделены и одиноки

#1
New York Times
Бестселлер

Продано более
1 миллиона
копий

ЛИЗА ТЕРКЕРСТ

от автора "Каждый выбирает свой путь"

Live Story. Вдохновляющие книги

Лиза ТерКерст

**Отверженные. Как жить в
любви, когда кажется, что вы
недостойны, обделены и одиноки**

«Издательство АСТ»

2016

УДК 159.9
ББК 88.52

ТерКерст Л.

Отверженные. Как жить в любви, когда кажется, что вы недостойны, обделены и одиноки / Л. ТерКерст — «Издательство АСТ», 2016 — (Live Story. Вдохновляющие книги)

ISBN 978-5-17-118587-9

Каждый из нас сталкивается с тем, что в какой-то момент жизни чувствует себя покинутым и одиноким. Мы пытаемся исцелиться от ран, переживаем новые и опасаемся оступиться в будущем, чтобы не остаться одним на своём пути. Но, к сожалению, некоторым людям только это и нужно: они пользуются этим и пытаются демотивировать нас, уничтожить волю и разрушить заветные мечты. В этой книге Лиза ТерКерст, сумевшая научить многих вере в себя, поделится историей и опытом собственной жизни – от болезненного детства до осуждений в уже взрослом возрасте. Она подскажет, как остановить саморазрушение, преодолеть подпитывающие нашу неуверенность страхи и поможет читателям понять, как из-за пережитого в прошлом портятся новые отношения, а главное, как это преодолеть и – жить в любви.

УДК 159.9
ББК 88.52

ISBN 978-5-17-118587-9

© ТерКерст Л., 2016
© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Читательские отзывы	6
Посвящение	8
Глава 1. Честность я предпочла бы проигнорировать	9
Глава 2. Три вопроса, которые нам стоит принять во внимание	13
Когда канавы и папы разочаровывают	14
Вырвать старое	16
Вырастить новое	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Лиза ТерКерст
Отверженные. Как жить в любви,
когда кажется, что вы недостойны,
обделены и одиноки / Лиза ТерКерст

Lysa TerKeurst
UNINVITED

Перевод с английского Зарко Матео Эль-Грумете

© TerKeurst Foundation, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Читательские отзывы

«Лиза – из тех, кого я люблю больше всех. Не потому, что она умная, глубокая или заботливая, хотя этого всего у неё не отнимешь. Лиза производит на меня впечатление потому, что она настоящая, откровенная, честная. У неё хватило мужества и стойкости пережить трудные времена, но что ещё более важно – с нею Иисус. Она поняла, что Его привлекает не наш успех, а наша вера. Эта книга покажет вам путь к Иисусу, когда кажется, будто путь потерян».

– Боб Гофф, автор книги *Love Does* («Любовь в действии») – бестселлера по мнению газеты «Нью-Йорк таймс»

«Лиза снова это сумела! Эту книгу вам точно не захочется отложить в сторону. Она не отпускает с первой и до последней страницы. С присущей ей чуткостью Лиза открывает перед нами вдохновляющее средство справляться со страхами, отвержением, неуверенностью и нестабильностью, от которых страдаем мы все. Поверьте, вы никогда прежде не читали такой книги. Не проходите мимо «Отверженных»! Порекомендовать что-то с большей силой уже просто невозможно».

– Лес и Лесли Пэррот, авторы книги *Saving Your Marriage Before It Starts* («Мифы о браке, которые лучше развеять ещё до свадьбы») – бестселлера по мнению газеты «Нью-Йорк таймс»

«Лиза Тер-Керст обладает несомненным даром рассказывать о своих душевных трудностях так, чтобы придать силы другим и вооружить их в жизненной борьбе. Не припомню, чтобы я в последнее время читал какую-либо книгу, где было бы столько наблюдений о человеческой природе, а золотых библейских истин – и того больше. Не упустите эту книгу – с каждым прочтением она будет приносить вам всё больше и больше счастья!»

– Крис Ходжес, старший пастор Хайлендской церкви; автор книг *Fresh Air* («Свежий воздух») и *Four Cups* («Четыре чаши»)

«Эту книгу нужно прочесть обязательно. Лиза пишет изящно и при этом пророчески, адресуясь к культуре, в которой мы, благодаря небольшому устройству в кармане, все привыкли смотреть только на то, как в любое время суток наши друзья едят, играют, что-то делают и что-то планируют. Особенно мне нравится часть, где Лиза обращает наше внимание на то, что всё-таки является самым важным. И это большая честь для нас – быть приглашёнными за один стол с живым Богом, который был с нами с самого начала».

– Джефферсон Бетке, автор бестселлеров *Jesus > Religion* («Иисус больше религии») и *It's Not What You Think* («Это не то, что ты думаешь»)

«Как женщина, которая сталкивалась с отвержением чаще, чем мне хотелось бы вспоминать, я могу сказать, что «Отверженные» буквально утолили мою душевную жажду. На моём пути с Иисусом я часто взывала к исцелению и искала слов Истины, на которые можно было бы опереться. Книга

Лизы показала мне эти слова, а ещё многому научила меня о прощении. Если вы ищете надежду, в этой книге есть именно то, что вам нужно».

– *Тара К.*

«Наибольшая привлекательность этой книги в том, что она не просто сопереживает вашей боли из-за отвержения, но и вселяет в душу праведную смелость, чтобы можно было научиться идти со святой уверенностью. – Уверенностью, которая коренится в непоколебимой, вечной, горячей и изобильной любви Иисуса. Это обязательно стоит прочесть!»

– *Алисия С.*

«Слова Лизы помогли мне обдумать все случаи, когда я испытывала отвержение, – не прячась от испытанной боли, но и не идеализируя важность быть принятой».

– *Меган К.*

«То, как Лиза связывает реальную жизнь со Священным Писанием, помогло мне восстановить душевные силы и облегчило мои молитвы, когда, казалось, почти невозможно молиться самостоятельно».

– *Ким К.*

«Эта книга – как разговор близких друзей, непринуждённо переходящих от лёгкой болтовни к темам грубости, оскорблений и вызовов. Опасность допустить отвержение или страх того, что отвержение определяет нашу ценность, лежит в основе многих трудностей, с которыми сталкиваются женщины сегодня. Лиза противостоит этой проблеме с честностью, практичностью, юмором и – что самое важное – с Божьей истиной. «Отверженных» никак нельзя пропускать!»

– *Сара Р.*

«Голосом верного друга Лиза указывает путь к Богу, который Сам пришёл в мир с единственной целью быть отверженным и понимает нашу боль. С уверенностью того, кто принял Его руку и прошёл через одни из наиболее мрачных периодов жизни, она вооружает читателя инструментами для преодоления и возрождения».

– *Эрин Б.*

«Это похоже на то, как если бы Лиза увидела мою жизнь и записала её. Рекомендую эту книгу всем знакомым женщинам».

– *Сара Л.*

«Признаюсь честно: читая «Отверженных», я в некоторые моменты ловила себя на мысли, что в слезах воздеваю руки к небесам. Это несравненные, дорогие минуты общения с Господом».

– *Эмили С.*

Посвящение

Посвящаю эту книгу моей самой дорогой подруге Колетт Грин... Ты подарок Божий, я горячо люблю и ценю тебя. Я не смогла бы написать все это без тебя.

И каждому, кто чувствовал жало отвержения, кто горько переживал тяжёлую утрату отношений, закончившихся буквально в одночасье, или кто задавался вопросом – запланировано ли у Бога для вас вообще что-нибудь хорошее... Я вас понимаю. Бог позаботился о том, чтобы передать вам эти слова надежды. Он любит вас, и я тоже.

Глава 1. Честность я предпочла бы проигнорировать

В тиши раннего утра ко мне приходит честность. Она взывает сквозь трещину в душе и приглашает *выйти* настоящую меня – *выйти, какой бы ты ни была*. Не аккуратно отредактированное издание меня этого года. Нет, честность хочет поговорить с той, как можно менее облагороженной версией женщины, которой я стала. С той, которую мне не удастся оживить парой взмахов туши и помады.

Честность – это истец с зорким зрением, непоколебимый перед притворством и приспособленчеством.

Я могу попытаться и сделать так, чтобы всё выглядело лучше, чем кажется, но честность будет против. Я собираю волосы в неряшливый хвостик и не маскирую неровности на лице. Я не втягиваю живот, не отбеливаю зубы, не брызгаюсь парфюмом.

Я просто появляюсь.

Я выхожу из-за барьера всех усилий, приложенных, чтобы осторожно создать более приемлемую версию меня самой. И я неуверенно протягиваю руку, не зная, как приветствовать честность. Встреча может обернуться пощёчиной или объятием, и я прекрасно понимаю, что может быть и так, и эдак.

Я ни за что не стала бы выбирать пощёчину, разве что потому, что для меня это, вероятно, более безопасный из двух вариантов. Обнимаюсь я крайне неловко. Однажды меня представили одному очень известному пастору, перед знакомством с которым я безумно нервничала. Это был внушительных размеров пожилой мужчина, человек восхитительной души, и он хотел, чтобы я почувствовала его радушие.

Я должна была понимать, какая честь мне оказана.

Но едва я увидела, как он ко мне приближается, все возможные варианты приветствий пустились в пляс у меня в голове, и с каждым его шагом в мою сторону я волновалась всё больше и больше. Я протянула руку. А он обхватил меня медвежьими объятиями, невзначай согнув эту мою руку в самое неудобное положение. К счастью, он так же быстро отпустил меня, после чего положил свои руки мне на плечи и произнёс то, что собирался.

Конечно же, я не смогу передать, что он тогда говорил, – ибо 243 сирены гудели у меня в голове о том, что из-за неумения обниматься меня теперь, может быть, не пустят больше ни в одну церковь на этом берегу Миссисипи. Или в мире.

Итак, поскольку объятия для меня, как правило, – не самый лучший выбор, я не хотела бы обниматься и с честностью.

На самом деле, я вообще никогда не хотела полностью открываться перед ней. Сейчас мне гораздо лучше удаётся открываться, чем прежде, и всё же я испытываю сомнения, зная, насколько это может быть опасно. До тех пор, пока я подозреваю, что честность намеревается разоблачить меня и причинить мне боль, она останется для меня опасной.

Можно не смотреть на неприкрашенную грубую правду, гораздо проще выстроить перед собой более привлекательную историю жизни – такую, в которой я могу провести прямые линии от каждой раны в прошлом до последующего исцеления. Я предпочитаю находить соответствия между каждым затруднением на пути своего свидетельства о Боге и той надёжной гаванью, в которой я затем, с помощью Божьей благодати, оказалась, гаванью прощения и восстановления. И все это доказывало бы, что я свободна.

И я вправду свободна. Большую часть времени. Но честность не хотела говорить со мной об этом. Честность хотела, чтобы я обратилась к самой сути того, чем я, по моему мнению, являюсь, и посмотрела на эту суть в свете того, чем я являюсь на самом деле.

И ни один человек не найдёт здесь идеального совпадения.

Ни один.

Независимо от вашей безопасности, безгрешности, зрелости и свободы, у нас в душе будут эти несовпадения. Вот к чему во мне хотела обратиться честность. Причина этих несоответствий – то, что все мы хотели бы оставить в раздевалке средней школы: отвержение.

Одно-единственное сознательное отвержение, с учётом моей крайней ранимости, может пронзить меня до глубины души. Зрелость в вере поможет мне пережить его. Она поможет мне выбрать подходящую реакцию. Она даже поможет мне вытащить стрелу и залечить рану. Но духовная зрелость не защитит меня от самого отвержения.

Сегодняшние отвержения, заметные или неочевидные, – как бомбы-невидимки, которые несутся со свистом в самое сердце, попадая по обидам прошлого и заставляя их причинять страдания вновь. Они посылают сообщения, которые спутывают все тщательно выведенные мной формулы для поддержания стабильности в жизни. Голоса сомнения и неуверенности шепчут: «Видишь, сколько лет я говорю тебе, что ты – одно сплошное разочарование». Этим голосам не обязательно кричать; за них это делает боль – и с оглушительной громкостью.

И вот честность пристально смотрит на меня, и я киваю. Я согласна. Ещё есть над чем работать.

Наконец, я вижу, что **честность не хочет ранить меня. Она пытается меня исцелить.**

Если хотите узнать, что на самом деле происходит у человека внутри, прислушайтесь, какими словами он говорит. Недавно Господь привёл меня к чёткому осознанию того, что некоторые мои слова говорят обо мне. Проблески несоответствий между тем, что истинно, и тем, что я о себе думаю, я увидела как-то раз в аэропорту. Ничто так быстро не отключает фильтры в речи человека, как большая доля стресса в сочетании с чрезвычайной спешкой. Реальная мысль воплощается в слова немного грубовато, и это заставляет вас задуматься над тем, откуда они взялись.

И вот я стою, уставившись в пустой багажник машины, прямо у терминала, и от внезапного осознания у меня колотится сердце и путаются мысли. Билет есть. Водительское удостоверение есть. Я планировала ехать домой. Но есть и довольно неприятный момент: у меня нет багажа. Он каким-то образом не попал в багажник.

Я подумала, что мои вещи забрал кто-то другой. А кто-то другой подумал, что я... Как-то так.

Я быстро позвонила подруге, которая ещё оставалась в отеле. Взахлёб я описала ей ситуацию и попросила по возможности отправить мои сумки в аэропорт с ближайшим автобусом. И ещё одна небольшая деталь: до окончания регистрации багажа у меня оставалось всего 15 минут.

У меня нет привычки грызть ногти, так что я стала нервно обрывать кожу у основания ногтей.

Я заламывала пальцы так, что трескали костяшки, – опять же, совсем не свойственно для меня. Но и ситуация не обычная.

Ну кто заявляется в аэропорт без багажа?

Я шагала взад-вперёд, мысленно торопя автобус, но затем быстро раскаялась, потому что мой мозг, следующий своим правилам, заставил меня сделать это. Я корила себя и пыталась подробно вспомнить: как так я не удосужилась проверить, взяла ли сумки. Я взглянула на часы. Ничего хорошего. Автобусу ехать ещё долго, а времени у меня уже так мало! Ох...

С умоляющим взглядом я подошла к уличной стойке регистрации и спросила беспокойным голосом – пронзительным и более чем раздражающим: «Я знаю, вы не из моей авиакомпании, но ваша организация сейчас находится в процессе слияния с ней. В общем, я хотела бы зарегистрировать багаж здесь, как только он прибудет, и вы просто обработали бы всё на своем компьютере. Можно это как-то сделать? Пожалуйста».

«Извините, нет, – ответил агент. – Наши компьютерные системы ещё не объединены». Вот ведь досада. Не везёт так не везёт.

И я стала делать то, что зачастую делаю, когда жизнь не склонна идти мне навстречу. Я начала говорить сама с собой. Разочарование всё выше подкатывало по нервам к губам. «Вот идиотка. Я сама заполняю себе жизнь ненужными волнениями и сложностями, потому что у меня действия отдельно, мысли отдельно. Ну правда, что не так с моим мозгом?»

Носильщик резко обернулся ко мне и выставил вперёд руку, ладонью подавая мне знак прекратить: «Только не при мне, – сказал он. – При мне не надо так говорить о себе. Нет-нет, без вопросов».

Его приказ поразил меня.

Его слова меня остановили.

И я изумилась – не ангел ли говорит со мной?

«И не такая фигня случается, уважаемая». Только он сказал не *фигня*. Он сказал – ну вы поняли.

Прелестно. А вы не знали? «Ангел», который сквернословит.

Сам он, конечно, не был знаком божественного присутствия, но в некоторых его словах что-то такое определённо было.

Они прицепились ко мне. Как двухлетний малыш за час превращает огромный леденец в вязкую клейкую массу и затем вытирает ручки вам о волосы. Вот эта вот липкость, серьёзно.

И здесь то же самое. Эти слова – «при мне не надо так говорить о себе» – их так просто не выбросишь из головы. Да и не стоит. Порой фраза западает в душу так сильно, что оставляет глубочайшее впечатление. Я собираю такие фразы, как другие коллекционируют марки и плюшевые игрушки. И заполняю ими нелинованные записные книжки из супермаркета *Walmart*. Эти слова, что трогают меня, – настоящие сокровища.

У меня уже зачесались руки добавить его высказывание в свою коллекцию, но тетрадь была в багаже, счастливо несущемся на всех скоростях ко мне – однако и не превышая скорость. За неимением тетради единственное, что я могла, – оставить эти слова на самом видном месте у себя в голове. Я слушала их снова и снова – и чувствовала себя спокойнее.

Выхлопные газы автомобилей и резкий шум самолётов – не самые подходящие условия для религиозных раздумий, но именно там и тогда я поняла, почему эти слова так важны для меня. Негативное обращение к себе самой – это отвержение из моего прошлого, засевшее где-то во мне с моего же позволения. Я говорила о себе так, как не позволила бы никому другому. Отзвуки былого самоотвержения вплелись в мои мысли и отравили мои слова сильнее, чем я хотела признать.

Самоотвержение прокладывает посадочную полосу, по которой к самому входу в наши сердца прибывает и отвержение других. Подумайте, почему так больно, когда другие говорят или делают что-то, заставляющее вас чувствовать себя отверженными. Не потому ли, в том числе, что они просто затронули какую-то вашу проблему, за которую вы уже себя корите? Когда вас бьют по уже ушибленной голени, боль в разы сильнее.

Кто-то не пригласил меня на своё мероприятие, и вот мой разум уже перечисляет все мои недостатки и слабости, о которых я недавно говорила себе. Вдруг я начинаю приписывать свои мысли этому человеку. Я слышу, как она произносит эти же оскорбительные слова. Я чувствую, что меня заклеямили, осудили и, да, – отвергли.

Или мой муж прокомментировал что-то, к чему я и так болезненно отношусь, – и это вызывает у меня эмоциональный отклик, совершенно не пропорциональный ситуации. Я вижу, что интерпретирую его слова и поступки гораздо более эмоционально, чем он думал. И из-за этого наши отношения становятся напряжёнными и утомительными. Я чувствую себя отвергнутой, а он недоумевает – почему.

Или что-то, к чему я так стремилась, неожиданно срывается. Я стараюсь взять себя в руки и вспомнить, что виной тому непредвиденные обстоятельства. Но какая-то часть меня чувствует отвержение. Я не хочу принимать это на свой счёт, но до конца дня всё равно не в своей тарелке и не могу полностью избавиться от чувства разочарования.

Или кто-то из моих старших детей сознательно делает выбор, противоположный моему совету. Чем сильнее я напеваю, тем сильнее отпор; и я чувствую себя той матерью, в которую зарекалась когда-либо превращаться, – властной и подавляющей. Ребёнок становится молчаливым и отдаляется. А у меня где-то глубоко внутри такая ноющая боль.

Или кто-то категорически отвергает меня, мою идею, моё приглашение, моих детей, мой проект, моё-что-угодно – и это задевает меня сильнее, чем следовало бы.

Отношения кажутся всё более ненадёжными. Вакансии – всё более недостижимыми. А жизнь – всё несговорчивее. Я не сдаюсь и иду дальше, – так уж мы, девчонки, устроены. Но это щемящее чувство отвержения – реального или надуманного – влияет на меня гораздо сильнее, чем мне хотелось бы признавать. Отвержение крадёт лучшую часть меня, усиливая худшее из того, что сказано обо мне.

Отвержение – не просто эмоция. Это послание от нашей сущности, заставляющее нас поверить лжи о себе, других и Боге. Мы соединяем событие дня сегодняшнего с какой-то грубостью, которую кто-то когда-то произнёс. Линия одного человека становится клеймом. Клеймо становится ложью. А ложь становится ответственностью за то, как мы думаем о себе и как действуем в последующих отношениях.

Линия «Я не хочу тебя» становится клеймом «Тебя не принимают».

Клеймо «Тебя не принимают» становится ложью «Ты не достойна».

Ложь «Ты не достойна» становится сценарием самоотвержения. А это даёт волю подозрению, сомнению, нерешительности и многим другим симптомам ответственности, которые мешают нынешним отношениям. Линии отвержения, услышанного в прошлом, мы проецируем на других людей и возлагаем на них ответственность за слова, которых они не говорили. И что хуже всего, мы ловим себя на мысли, что удивляемся, если Бог таинственным образом оказывается на стороне тех, кто нас обижает.

ОТВЕРЖЕНИЕ КРАДЁТ ЛУЧШУЮ ЧАСТЬ МЕНЯ, УСИЛИВАЯ ХУДШЕЕ ИЗ ТОГО, ЧТО СКАЗАНО ОБО МНЕ.

Мне очень хотелось бы сказать вам, что я пишу это потому, что преодолела отвержение во всех отношениях. Я делаю большие успехи. Я далеко уже не так безмерно ранима, как прежде. Но какой-нибудь такой сквернословящий «ангел» напоминает, что ещё есть над чем работать.

Нет, я выбрала эту тему не потому, что отлично усвоила урок. Тему отвержения я выбрала потому, что хочу вместе с вами заглянуть в нашу сущность, выявить и наконец-таки вылечить глубоко засевшую инфекцию отвержения. Предостерегу вас: разоблачение это будет делом не из приятных. Но честным.

И всё будет хорошо.

Не скажу, что вполне готова принять честность в медвежьих объятиях. Ужасно неловкая причина этого вам уже наверняка понятна. Но я хочу пожать ей руку. И дальше идти вместе.

Глава 2. Три вопроса, которые нам стоит принять во внимание

Несколько лет назад мы устроили дома ремонт и разобрали часть стен в кухне вплоть до деревянных каркасов. В голове я уже себе напридумывала, как приблизительно всё должно в итоге получиться, но поскольку в строительстве я совсем не разбираюсь, то решила обратиться за помощью к одному компетентному знакомому. Я так радовалась его советам человека, знающего обо всех этих милых мелочах – где разместить электротехнику и осветительные приборы, какой цвет выбрать для шкафчиков... Но когда он, войдя в самую комнату, уставился на потолок с выражением серьезнейшего беспокойства, я поняла, что что-то пошло не так.

Балки, проходящие вдоль всего потолка, были спрятаны за гипсокартоном. И теперь, когда мы вскрыли их мимоходом, он увидел, что одна из главных балок совсем не годится для опоры. Она обрывалась, не доходя до несущей стены примерно на четверть длины потолка. В попытке решить проблему кто-то когда-то надставил эту балку, прибавив к её торцу ещё одну доску. Мало того, что опорные балки укрепляются совсем по-другому, так ещё и гвозди здесь уже едва держались.

Однако, покуда это была всего лишь одна доска, я не понимала, зачем делать из неё проблему. Остальные все в порядке и их вполне хватит. Давайте уже вернёмся к обсуждению декора.

Мой друг знал, в чём дело.

Он повёл меня наверх. В том самом месте, где снизу по потолку проходили стыкующиеся доски, пол второго этажа заметно просел. Стоило здесь хорошенько прыгнуть или уронить что-нибудь тяжёлое – и эта опорная балка запросто проломилась бы.

Мне незачем было утруждать его дальнейшими расспросами. Я уже поняла, что так жить нам больше нельзя, и вернулась вниз.

Со сломанными балками, конечно, ни о какой устойчивости говорить не приходится. С точки зрения строительства в этом не было ничего глубокомысленного. Вот только я, смотря на эти висящие на волоске доски, будто заглядывала внутрь себя.

Годами я ожидала устойчивости от сломанной личности.

Когда канавы и папы разочаровывают

В далёком детстве у меня было место, куда я уходила прятаться. Мы тогда жили в тёмно-коричневом многоквартирном доме. С нашей стороны рядом с деревьями и заброшенным теннисным кортом была бетонная канава. Не самое подходящее место для хрупкой девочки, любящей всё розовое и ненавидящей букашек. Однако, стоило мне один раз отважиться спуститься в канаву – и оказалось, что, спрятавшись, я чувствовала себя в безопасности.

Уверена, что, доведись мне взглянуть на неё сегодня со взрослой точки зрения, я не увидела бы ничего, кроме грязного водостока. Но, будучи маленькой девочкой, я любила это место, где можно было стать невидимой для всех. Люди проходили мимо, даже не догадываясь обо мне. А я, хотя и слышала каждое их слово, едва ли обращала внимание. Всё это было не более, чем белый шум.

Малыши дерутся за игрушки. Женщины распускают сплетни – как пушинки с одуванчика сдувают. А девочки-подростки заигрывают с парнями, которые несут всякие глупости.

Как только не кружится жизнь там, за канавой. Я же оставалась спокойна и безучастна. Я была наблюдателем, а не действующим лицом. Мне нравилось это ощущение, что все в жизни может происходить *вокруг* меня, но не *со* мной.

Мой мирок, ограниченный склонами этой канавы, был предсказуем – а потому казался надёжным и безопасным. Никто ни разу сюда не заглядывал и не хотел ко мне присоединиться. Вероятно, эта канава предназначалась для стока дождевой воды, однако в тот год в ней было сухо. Зачастую я приносила что-нибудь из своих детских сокровищ и аккуратно раскладывала их здесь, наслаждаясь осознанием того, что могу хозяйничать в своём миреке.

Если что-то и могло измениться – так только по моей воле.

Станным образом, мне казалось, что, пока меня не видно, жизнь под контролем и я в безопасности. Пугающие перспективы, как дома, здесь меня не коснутся. Но нельзя же было сидеть в канаве постоянно. Всё равно каждый день приходилось возвращаться домой. А там, в коричневом многоквартирном доме, всё было так непредсказуемо.

Я не могла контролировать события вокруг меня, но они изрядным образом на меня влияли. Теперь я знаю, что у отца были проблемы и трудности, которых мне, ребёнку, было не понять. Но тогда я думала, что он просто ужасно не рад, если я дома. А значит, проблема во мне.

В каком-то смысле, возможно, отец и думал, что я – часть проблемы. Я усложняла его жизнь. Я стоила денег, которых у него не было. А что хуже всего, я была девочкой.

Он никогда не хотел, чтобы у него была дочь. А я отчаянно хотела быть желанным ребёнком. Это сложное уравнение, и оно так просто не решается. Больше всего я боялась, что когда-нибудь он просто перестанет приходить домой и я останусь без отца.

Изучая вопрос отвержения, я обнаружила, что чувствительность к отвержению в человеке подкармливают два основных страха:

- Страх быть покинутым
- Страх потерять свою личность

Будучи маленькой девочкой, я, конечно, не использовала эти слова. Но жало отвержения было мне хорошо знакомо. **Когда мужчина физически находится рядом, но отсутствует эмоционально, в сердце у девочки может возникнуть чувство совершенной пустоты и беспомощности.** Это верно в любом случае, независимо от того, кем он ей приходится – отцом, мужем или просто человеком, которого она очень уважает.

Так что, укутавшись в одеяло с героями Холли Хобби, когда из-за ночной темноты сердечко чуть ли не выпрыгивало из груди, я вновь и вновь твердила шёпотом: «Господи, пусть папа никогда меня не бросает. Просто сделай так, чтобы он не ушёл».

Отец подкармливал мои страхи каждый день. Он произносил слово «развод», словно это был его пропуск на свободу – не только от мамы, но и от меня. Он думал, в этом нет ничего особенного, что он говорит обо всех своих чувствах. Но поскольку его словам я всегда придавала большое значение, то при любой угрозе развода у меня по затылку пробежал холодок ужаса. Ведь если он уйдёт – кем буду я? Мне казалось, раз у девочки нет отца, ей нет места в мире. В конце концов, если он не может любить меня, кто тогда вообще меня полюбит?

Любовь – этим словом речь моего отца не блистала. Он говорил жёстко. Но больше всего меня пугало его молчание. От этого мне всегда хотелось убежать в канаву. Мы стремимся привязать душу к чему-то неизменному, чему мы можем доверять. Неважно, как эта канава выглядела, – важно было, насколько защищённой я себя в ней чувствовала.

Но чувствовать себя в безопасности и быть в безопасности – не одно и то же. Как-то раз пошёл дождь, и вода, хлынув в моё убежище, унесла все мои маленькие сокровища. Это была не надёжная гавань. Это была всего лишь канава, служащая для того же, что и все другие. И убедившись в этом, я больше туда не возвращалась. Любые якоря в этом мире в конце концов доказывают, что на них нельзя вполне рассчитывать.

Через несколько лет мы переехали в голубой дом с зелёным ковром. И отец перестал приходить домой. Последняя частичка того, что скрепляло мою безопасность и мою личность, откололась, когда он собирал свои вещи, почти не глядя на меня. Я прижалась лицом к окну и смотрела, как его машина пропадает в дымке. И вот он исчез.

Отвержение глубоко засело у меня в сердце. И я пришла к шокирующему выводу: «Я ничего не значу. Я ничего не стою для папы». И ещё опаснее: «Боюсь, я ничего не стою и для Бога». Вместе эти чувства стали моей новой личностью.

Кто такая Лиза?

Та, которая никому не нужна.

Вырвать старое

Когда отец ушёл, я попыталась поддержать то, что осталось от меня, чтобы не упасть в чёрную дыру, образовавшуюся внутри. Хорошие отметки. Достижения и похвалы. Весёлые друзья и досуг. Внимание мальчиков, чтобы чувствовать себя особенной. Я старалась находить утешение во всем, что только помогало чувствовать себя лучше.

Но чувства – слабая поддержка. Как и канавы, в которых нельзя по-настоящему спрятаться, и как отцы, которые уходят.

Как сломанную балку у меня в доме нельзя укрепить, просто прибив к ней парой гвоздей ещё одну доску, так и я не могла себя починить. Мне нужно было не просто лучше себя чувствовать, а совершенно по-другому определить свою личность. Истина должна была мне сказать то, что я сама думаю о себе. Иначе всё, что я о себе думаю, оказалось бы хрупким, зыбким, негодным основанием. **Наши убеждения должны поддерживать нас, даже когда кажется, что жизнь разваливается на части.**

Я же в тот момент не могла сказать, что мои убеждения меня поддерживают. В течение многих лет мне говорили, что нужно найти себя в тождестве со Христом. Я кивала. Я выучила наизусть стих 12 из 3-й главы Послания к колоссянам, о том, что я – одна из «избранных Божиих, святых и возлюбленных». Но когда казалось, что жизнь угрожает мне, я вновь начинала думать по-старому, чувствуя себя нелюбимой и ненужной.

И я смогла понять причину, стоя под сломанными балками в своей кухне. Нельзя было оставлять былую сломанную веру, приделывать к ней сбоку Божью истину – и надеяться на стабильность. Я знала, что хватит оценивать доброту Бога по тому, как я чувствую жизнь в тот или иной момент. Чувства – это треснувшие доски. Лишь истина крепка, неизменна и незыблема целиком и полностью.

От старого образа мыслей надо решительно избавиться и научиться смотреть на свою сущность по-новому, с помощью Божьей истины. Мою личность нужно было привязать к истине о том, кто такой Бог и кто Он для меня. Только тогда я найду стабильность, которой мне не смогут дать никакие чувства. Чем ближе я сопоставляю свою истину с Его истиной, тем теснее я отождествляю себя с Богом – и тем больше моя личность действительно находится в Нём.

Дело вот в чём... Когда моя личность привязана к обстоятельствам, я становлюсь чрезвычайно неуверенной, потому что обстоятельства непредсказуемы и изменчивы. С успехами и неудачами я поднимаюсь и падаю. Я чувствую свою ценность, когда получаю комплименты, и мучаюсь от критики. Я изо всех сил стараюсь сохранить отношения, если чувствую свою нужность. И постоянно боюсь, что этот человек ускользает. Ведь я чувствую, что теряю не просто этого человека... но и значительную часть себя.

Моя страшная мантра: «Я должна делать так, чтобы всё было хорошо. – Чтобы я сама была в порядке»,

Если личность обусловлена обстоятельствами, то изматывающее маневрирование и контроль, необходимые для её защиты, разрушают наше сердце и скрывают лучшую нашу часть за преградами ненадёжности.

Пришло время прекратить ложь и разрушительный вред, исходящие от подобной косвенной личности. Мы должны привязать свою личность к нашему неизменному, непоколебимому, непреклонному, неопровержимо доброму и неоспоримо любящему Богу. Нити, которые действительно связывают меня с Ним, и истина о том, кем я являюсь в Нём, даются мне в те тихие мгновения, когда я говорю: «Я Твоя, Господи.

Я не такая, как говорит про меня тот парень. Я не такая, как говорит про меня та девушка.

Я не такая, как говорит про меня тот парень. Я не такая, как говорит про меня та девушка.

Я не такая, как говорят про меня «лайки» и комментарии в социальных сетях.

Я не такая, как говорят про меня отметки, списки дел, хаос и бардак.

Я не такая, как говорят про меня весы, и я не представляю собой сумму всех своих недостатков.

Я перестану заигрывать с неустойчивостью этого мира и тогда смогу полностью полюбить Тебя. Я любима. Я нужна. Я Твоя. Твоя навсегда».

Чем больше у меня такой близости с Богом, тем надёжнее моя истинная личность.

Теперь, когда мы знаем это, возникает вопрос, как это воплотить в жизнь?

Вырастить новое

Как это воплощать в жизнь среди каждодневных радостей и горестей, принятий и отвержений, прекрасного и скверного самочувствия и всех непредсказуемостей промежуточного характера? Надо воспитать «личность, обусловленную близостью», а это начинается с ответов на три вопроса:

- Добр ли Бог?
- Добр ли Бог по отношению ко мне?
- Верю ли я, что Бог – это Бог?

Подумайте хорошенько над этими вопросами, обратившись к истине, – и почувствуете, как вас поддерживают новые, более крепкие опоры.

Добр ли Бог?

Я привыкла относиться к Богу с определённой осторожностью. Стоит только посмотреть новости, и тут же задаёшься вопросом: «Как может Бог, если он действительно добр, допустить все эти ужасы, трагедии и беды?» В течение многих лет на вопрос: «Каким я представляю себе Бога?» – я отвечала, склонив голову и прищурившись: «Думаю, он непредсказуемый и жутковатый».

Я не отрицала Его силу и авторитет. Но в доброте Бога изрядно сомневалась. Однако, когда при ответе на этот вопрос мы обращаемся к истине, а не к своим чувствам, то понимаем доброту Бога в совершенно новом свете.

Его доброта очевидна с самого начала. Когда Он творил, лепил, раскрашивал и воплощал в реальность этот мир и всех живых существ, Его доброта проявлялась с каждой мыслью и прикосновением. «И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма. И был вечер, и было утро: день шестой» (Бытие 1:31).

Когда Адам и Ева предпочли согрешить, их грех заразил и пронизал доброту всего, что создал Бог. Посему, хотя в этом мире и есть ещё что-то хорошее, мир больше не является совершенным отражением Божьей доброты.

В стихе 21 8-й главы Послания к римлянам Павел объясняет, что мир находится в «рабстве тления» или, как говорят некоторые версии Писания, в «рабстве разложения» (Новая американская стандартная Библия, «Голос»). Тление и разложение – свидетельство того, что мир сломан. Я сама вижу тому подтверждение каждый раз, когда возвращается купальный сезон. Да-да, настоящий целлюлит! Моё тело – в рабстве тления. Но это отдельный разговор.

Мир пребывает в состоянии тления и разложения. Мы видим это по ужасным погодным условиям, стихийным бедствиям и голоду, которые не были частью Божьего замысла. Рак, болезни и немощи не были частью Божьего замысла. Автокатастрофы, потопа и убийства не были частью Божьего замысла. Насилие, развод и разрыв отношений не были частью Божьего замысла.

Тому виной первый грех. Когда грех пришёл в мир, он разрушил доброту Божьего замысла. И грех, безусловно, разбивает Богу сердце. Но ни в коем случае грех не может затронуть доброту Бога. У Бога есть план, план добра: избавить этот мир от любого влияния греха.

Ибо грядёт Вечный:

да, Он идёт судить землю.

Он установит мир по Своим стандартам,

и Своей верностью *Он будет проверять* людей.
(Псалтирь 96:13, «Голос»)

И хотя в это смутное время последствия греха могут разбить нам сердце, доброта Бога всё исправит в этом мире. А пока мы должны крепко держаться истины о том, кто есть Бог, и о его неизменной природе: Бог есть добро. Его планы суть добро. Его требования суть добро. Его спасение есть добро. Его благодать есть добро. Его прощение есть добро. Его восстановление есть добро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.